

Меньше пациентов — значит меньше травм, и это хорошо, но оставляло горьковатый осадок. Я решил про себя, что при первом же экстренном случае сбегу отсюда под любым предлогом. Но работа есть работа, поэтому я осмотрел рану депутата Ко.

— Вы серьёзно поранились. Чем это вы занимались?

— Полка упала, стекло разбилось, порезал руку.

— Понятно.

Доктор Чон, услышав разговор, добавил заметку в компьютер за нами.

Депутат Ко Чханхун не выглядел на свои шестьдесят с лишним. Это было не лицо, которого можно достичь просто уходом за собой. Он был щедро одарён природой.

В СМИ тоже писали о внешности его детей.

— Немного защиплет. И будьте осторожнее в следующий раз. Что там у вас было в прошлый раз? Авария?

— Это было позапрошлый раз.

— Вы подрались с коллегой-депутатом, получили трофеем по голове — рваная рана на левом виске.

И депутат Ко, и я повернулись к доктору Чону. Доктор Чон наклонил голову, мол, не надо было этого говорить? Я заметил, что он был немного туповат ещё когда он заказывал кофе, будучи жертвой травли в психиатрии, но доктор Чон оказался удивительно бестактным.

«Он просто недогадливый или тупой?»

Впрочем, раз он окончил корейскую медицинскую школу — он всё равно гений. Бестактность — не обязательно плохое качество. Врачи, которые слишком эмоциональны или чувствительны к мелочам, часто теряют объективность при лечении пациентов.

— Кхм, вот как оно было.

— В любом случае, будьте осторожнее. В следующий раз можете серьёзно пострадать и оказаться у меня на операционном столе.

— Разве это не честь, если оперировать будете вы?

— Пожалуйста, не говорите таких вещей.

— Но что вы думаете о моём предложении?

— ...Ох.

Вводя иглу, я поморщился — я знал, что этого не избежать. Причина, по которой я не любил депутата Ко, была не в том, что он плохой человек. Депутат Ко слишком сильно меня любил. Иногда я задавался вопросом, не сделал ли я ему чего-то хорошего в прошлой жизни. Депутат Ко мягко коснулся моей руки.

— Не будьте таким, подумайте. Для вас это неплохое предложение. Я обеспечу вас всем необходимым. Вам просто нужно прийти.

— Всё равно, что невозможно — то невозможно.

— Если вы беспокоитесь о своей медицинской практике — не волнуйтесь. Я сделаю так, чтобы вы могли работать без помех.

Доктор Чон переводил взгляд с депутата Ко на меня. Этот человек вёл себя так при каждой нашей встрече. Я не понимал, что он во мне нашёл.

Как раз когда я наложил последний шов, за ширмой поднялась суета. Надеюсь, что это что-то серьёзное, я оставил доктора Чона заканчивать и уже собирался встать, как ширма отдёрнулась наружи.

На пороге стоял Чхве Чжунхан, скрестив руки на груди.

— Что-то случилось?

— Профессор Ким вас ищет, сонбэ.

Сонбэ? С первых дней Чхве Чжунхан не называл меня сонбэ. Но профессор Ким должен быть в операционной. Может, там что-то произошло? Вряд ли это касалось такого пациента.

Я уже собирался спросить, в чём дело, как Чхве Чжунхан сам перешагнул порог процедурной. С четырьмя взрослыми мужчинами внутри стало тесно.

Чхве Чжунхан взял меня за руку.

— О, новый доктор, я вижу. Что ж, в травматологии всегда не хватало людей.

— Да. Это доктор Чхве, недавно начавший работать. Что случилось...?

— Здесь я не могу сказать. Когда выйдете — увидите.

— Если не срочно...

— Срочно. Я здесь закончу.

Я посмотрел на депутата Ко, который махнул рукой — мол, всё в порядке.

— Если пациент ждёт, я не могу задерживать вас по пустякам. Идите.

— Спасибо.

— Как-нибудь поужинаем.

Депутат Ко подмигнул мне. Чувствуя невыразимую неловкость, я промолчал. Чхве Чжунхан вытолкнул меня из процедурной и задернул ширму. Судя по отсутствию дальнейших слов, похоже, он собирался доделать всё сам.

Ко мне подошла старшая медсестра, которая настаивала на том, чтобы я лично зашивал депутата Ко.

— Профессор, вы закончили?

— Сейчас заканчиваем.

— Доктор Чхве Чжунхан.

— А, доктор Чхве Чжунхан.

При упоминании имени Чхве Чжунхана морщины на лбу медсестры разгладились с невероятной скоростью.

— Если доктор Чхве — тогда всё будет хорошо.

— Кстати, профессор Ким меня не искал?

— Профессора Кима? Он же в операционной. Из операционной ничего важного не слышала. Спросите у доктора Мина.

— А, хорошо.

Я подошёл к медсестре, только что вышедшей из операционной.

— Что-то случилось?

— Профессор Ким меня не искал?

— Профессора Кима? Кажется, он только что закончил операцию и отправил пациента наверх. А что?

— Не знаю...

— Наверное, ничего.

Она отвернулась, сказав, чтобы я не волновался. Чем больше времени проходило, тем больше я убеждался, что Чхве Чжунхан солгал, чтобы вытащить меня оттуда. Я уже собирался вернуться в процедурную, как ко мне подошёл раздражённый мужчина.

— Лечение депутата уже закончено?

— А, ещё нет...

— Тогда что вы здесь делаете? Вы оставили руку депутата какому попало врачу?

— Я не какой попало врач.

Появился Чхве Чжунхан, толкая коляску депутата Ко. Начальник Чхве уставился на меня, требуя объяснений.

— Это кто?

— Новый врач.

— Наверное, просто переведённый из другого отделения.

— Чхве Чжунхан, лучший выпускник программы по травматологии в Травматологическом центре Райдера в США.

Начальник Чхве занимался разными делами, когда депутат Ко помогал больнице Корейского университета.

Будучи помощником, он мог что-то знать тут и там. Даже если он был неспециалистом в медицине, естественно было иметь некоторые знания, если курируемый им депутат интересовался этой областью. Но от начальника Чхве я услышал неожиданные слова.

— А, он был в списке кандидатов в первые дни работы травматологического центра.

— Что? Вы врёте?

— Зачем мне врать вам? Впрочем, он в итоге отказался.

Если бы Чхве Чжунхан принял предложение начальника Чхве тогда, эта должность могла бы принадлежать ему, а не мне. Я усмехнулся и пробормотал.

— Хм, а теперь глава центра — я.

— Что? Думаете, я не помню, как вы подписали петицию против создания центра в первые дни? Если бы Чхве Чжунхан согласился, вы бы не заняли это место.

— Это потому что тогдашний профессор заставил меня подписать!

— Можете честно, с рукой на сердце, сказать, что подписали только потому, что не могли отказать профессору?

— Чёрт. Вы как змея.

— Вы так говорите, потому что не видели настоящей змеи.

— Их полно в больнице!

Проиграв спор, я закричал от досады. Тридцатилетние мужчины, полные странной гордости, были действительно невыносимы. Интересно, страдали ли мы оба с начальником Чхве какой-то

формой самоуничижения.

— Ха-ха, вы всегда ссоритесь при встрече. Вы хорошо ладите. Да, так и должно быть.

Глядя на депутата Ко, который звучно смеялся, я покачал головой, скрестив руки. Начальник Чхве посмотрел на моё поведение как на грубость, но я проигнорировал это.

Ладим? Я и начальник Чхве? Если бы начальник Чхве был младшим врачом, я бы не сказал ни слова, если бы он швырнул скальпель в операционной. Даже с годами я не мог понять взгляды взрослых.

— Значит, этот доктор был в том списке кандидатов. Неудивительно, что он такой умелый. Наш начальник Чхве не знал и сказал лишнее, так что я приношу извинения от его имени.

— В этот раз я пропущу. А в следующий раз, если это не срочно, пожалуйста, ждите в очереди, как все пациенты.

— Что вы такое говорите нашему депутату...?

— Или поезжайте в обычную больницу. Травматологический центр создавали для лечения пострадавших, а не для того, чтобы депутаты приезжали сюда с каждой царапиной.

От резкого ответа Чхве Чжунхана я невольно прикусил язык. Прошёл уже месяц с тех пор, как он присоединился к травматологии, но он не вызывал никаких заметных инцидентов.

Среди хирургов, известных своими крутыми характерами, темперамент Чхве Чжунхана был почти как у Будды. Не ожидал я такого от парня, который обычно говорит: «Гора — это гора, а вода — это вода».

Я посмотрел на него — мол, полегче, — но Чхве Чжунхан стоял на своём.

— Сегодня не было экстренных пациентов, но в следующий раз такое не пройдёт.

— Ха-ха, извините.

— Депутат!

— Оставьте. Парень прав.

Когда депутат Ко поднялся с инвалидной коляски, начальник Чхве поддержал его. Чувствуя себя неловко, я вместе с начальником Чхве проводил депутата Ко из центра.

Проводив его, я вернулся в травматологию. Чхве Чжунхан проверял состояние лежачего пациента и разговаривал с его опекуном. Не желая мешать консультации, я наблюдал за Чхве Чжунханом издалека.

Закончив разговор с пациентом, Чхве Чжунхан развернулся и пошёл в совершенно другую сторону. Это был явный акт игнорирования. Я подошёл и положил руку ему на плечо, разворачивая к себе.

— Эй, зачем ты так сделал? Ты знаешь, кто такой депутат Ко, чтобы говорить с ним так опрометчиво?

— Неважно, кто он.

— Если бы не депутат Ко, у нашей больницы не было бы травматологического центра. И нас не назначили бы региональным центром.

Как и сказал Чхве Чжунхан, лечение в больнице должно основываться на тяжести состояния пациента, а не на власти или связях. Но реальность так не работает. В вопросах жизни и смерти люди склонны быть более эгоистичными.

Если предоставление мелких удобств депутату Ко могло спасти больше пациентов — я был готов на это. Без достижений идеалы остаются просто личными мечтами. Я думал, у Чхве Чжунхана есть хоть какая-то гибкость.